

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

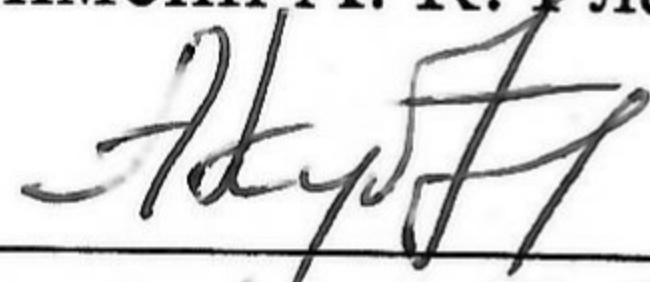
УТВЕРЖДАЮ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования

ПЕТРОЗАВОДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ
имени А.К. ГЛАЗУНОВА

Ректор
Петрозаводской государственной
консерватории имени А. К. Глазунова

Алексей Александрович Кубышкин

«07» июня 2021

ул. Ленинградская, д. 16, г. Петрозаводск,
Республика Карелия, 185031,
тел./факс (814-2) 67-23-67
e-mail: info@glazunovcons.ru, <http://glazunovcons.ru>
ИНН 1001041114/КПП 100101001
ОКПО 02176238/ОГРН 1031000000778

«07» июня 2021 г. Исх. № 673

На № _____ от _____

ОТЗЫВ

**ведущей организации о диссертации Михаила Михайловича Иглицкого
«Александр Чугаев в музыкальном искусстве и науке»
на соискание ученой степени кандидата искусствоведения
по специальности 17.00.02 Музыкальное искусство**

Диссертация Михаила Михайловича Иглицкого обращена к личности и творчеству Александра Григорьевича Чугаева – композитора, музыковеда и педагога, разносторонняя деятельность которого волею судьбы не обрела должной известности. Из всего сделанного Чугаевым меньше всего повезло его музыке, хотя она обладает исключительно индивидуальной и узнаваемой интонацией и должна быть отнесена к значительным явлениям отечественной музыкальной культуры второй половины XX века. Настоящее исследование, поместив сочинения Александра Григорьевича в центр своего внимания, стремится восстановить историческую справедливость. Данный факт делает работу **актуальной**.

Научная новизна диссертации М. М. Иглицкого определяется несколькими моментами. Прежде всего, это первое отечественное исследование, подробно обсуждающее сочинения Чугаева, а также дающее комплексный взгляд на его наследие – педагогические принципы, научные интересы и композиционные закономерности его опусов. В диссертации вскрывается мнимая традиционность внешне тональной музыки автора и выработан оригинальный инструментарий для ее анализа.

Наконец, соискателем выявлена сумма имманентно-музыкальных признаков в языке сочинений Чугаева, благодаря которым формируется их неповторимый облик (в первую очередь это полифоническая гармония, феномен мотивного метра и опора на принцип развёртывания).

Структура диссертации опирается на движение от общего к частному: как в целом, так и в отдельных частях. Согласно своему содержанию работа имеет два раздела. В первом реконструирована биография и освещены три грани деятельности Александра Григорьевича: творчество, наука и педагогика (первая глава), во втором изложены теоретические основы композиторской техники Чугаева (вторая и третья главы). При этом характер изложения в теоретической части диссертации своеобразен, разговор тут идет на уровне емких и концентрированных обобщений, из него вытеснен анализ-описание, который поначалу представляется уместным, поскольку сочинения Чугаева до сих пор подробно не разбирались.

По сути, вторая глава работы начинается «с конца», с формулирования выводов о специфике музыкального языка Чугаева. Автор сначала показывает особенности претворения в опусах Александра Григорьевича таких сторон традиционной композиции как звуковысотная структура, склад и фактура, время и метроритм, музыкальная форма, отмечая в отношении каждой из них движение к индивидуальным решениям. Наиболее характерные их образцы – техника «привилегированных серий», полифоническая гармония, мотивный метр, особенности темообразования – получают самостоятельное подробное рассмотрение. Все эти явления показаны как связанные с глубоким интересом Чугаева к полифонической музыке, с его проникновением в суть полифонического мышления. Поэтому закономерно, что погружение в материю сочинений композитора завершается обсуждением принципа развёртывания, сформировавшегося в лоне барочной музыки.

Ему посвящена третья глава, где категории развёртывания сначала дается обстоятельная характеристика, а затем принцип развёртывания представлен на материале сочинений Чугаева. Исследователь фокусируется на Скрипичном концерте (1962), Фортепианном квинтете (1970) и Фортепианном трио (1979), каждый опус становится поводом, чтобы показать действие развёртывания в разделах разной природы – твердых и рыхлых – и, наконец, в форме в целом. В заключении главы

этапы анализа музыки, опирающейся в своих уровнях на принцип развертывания, формализуются, приводятся в виде схемы-алгоритма, что позволяет использовать выработанную в диссертации методику в отношении подобных образцов различного рода: от музыки отечественных авторов – Б. Тищенко, Б. Чайковского, Г. Галынина – до опусов, опирающихся на континуальный тип формы, характерный для минимализма, спектральной музыки и т.п.

Особенности стиля работы, ее уклон в сторону теоретизирования оправдан целью диссертации, вернее, совокупностью целей, которые ставит перед собой М. М. Иглицкий. Им движет не только желание вернуть Чугаева, его фигуру и метод, музыкальной науке, но и более амбициозный мотив – сквозь призму этого автора дать представление о неординарности тех явлений композиторского творчества второй половины XX века, которые, не порывая с традицией, сохраняют опосредованные связи с ней. Соискатель убежден, что неавангардная музыка также интересна и сложна, как и авангардная. Она заслуживает не менее пристального внимания, поскольку только после осознания ее истинной природы у музыкальной науки может появиться объективный взгляд на искусство, возникшее после 1950-х.

Степень достоверности и доказательности научных результатов диссертации обусловлена ее опорой на солидную научную и методологическую базу, представленную трудами из всех основных областей музыкально-теоретической науки: гармонии, полифонии, музыкальной формы. Дополнительным фактором, обеспечивающим объективность наблюдений и выводов диссертации, становится избранный в ней подход, при котором музыка Александра Чугаева рассматривается с учетом его собственных теоретических взглядов.

Работа написана ясно, понятным языком и имеет изложение, характеризующееся на всех этапах высокой плотностью текста. В этой связи показательно, что даже вспомогательный раздел – приложения – в диссертации является таковым лишь наполовину. Собственно справочную функцию выполняют только приложения 1 и 2, где приведены списки сочинений и научных трудов Чугаева. А два последних приложения и по объему, и по своему содержанию фактически становятся четвертой и пятой главами работы, поскольку содержат материал, вовлеченный в

орбиту основного текста. Например, в приложении 3 помещен обстоятельный, снабженный многочисленными примерами, таблицами и схемами аналитический очерк о музыкальном языке Квинтета, знакомство с ним конкретизирует многие моменты, изложенные в общетеоретическом разделе работы. Для понимания особенностей работы композитора с серийной техникой принципиально важно приложение 4, в котором изложены и подробно прокомментированы положения статьи Чугаева о нахождении привилегированных серий по заданному сегменту.

На основании всего сказанного **теоретическая и практическая ценность** работы определена суммой факторов. В ней впервые подвергнуты анализу наиболее важные сочинения Чугаева – Скрипичный концерт, Квинтет, Трио; выделены и охарактеризованы специфические черты его композиторской техники, дано представление о свойственном для нее синтезе традиционных и новаторских приемов. В тексте диссертации сложен совокупный взгляд на категорию и метод развертывания, выработан метод анализа музыки, опирающийся на развертывание, выделены два этапа такого анализа – мотивный и тематический – и названы характерные для них процедуры и способы обобщения аналитических наблюдений. Наконец, работа содержит достаточное число конкретных анализов, на практике демонстрирующих возможности метода.

Остановлюсь теперь на замечаниях и соображениях, возникших в процессе знакомства с текстом диссертации. Он, как уже сказано, выстроен с опорой на широкую научную базу. Однако, в некоторых местах круг используемых источников может быть расширен. Например, не понятно, почему в списке литературы нет исследований, связанных с категорией музыкального языка, хотя именно это явление стало объектом изучения во второй главе. Совершенно замечательные по глубине наблюдения о гармонии-фактуре, о формообразующей роли фактуры у Чугаева (с. 45–46) было бы не лишне подкрепить использованием термина «квант фактуры», он введен К. И. Южак и был бы удобен для обозначения единицы ткани в данном контексте. Возможно, при обозначении формы I части Квинтета (с. 176–177), которая отходит от традиционной, но не становится трансформированной, стоило воспользоваться понятием «переинтонированная форма», использованным Ю. Н. Холоповым для подобных случаев.

Замечания к работе касаются, главным образом, особенностей ее оформления: в ней, к сожалению, содержатся опечатки и отсутствует нумерация примеров, таблиц и схем, не все они подписаны, все это доставляет неудобства при чтении. Из-за фигурирования аналитических фрагментов, посвященных одному и тому же сочинению в разных разделах работы, между основным текстом и приложениями не раз возникают повторы (так, сноска 46 на с. 54, пример на с. 61 и схема на с. 104 дублируются в приложении 3) или несоответствия (на с. 52 дана отсылка на приложение 1 вместо приложения 4); некоторые обозначения получают пояснение на отдалении от своего первого упоминания (например, обозначение преобразований микросерии, расходящееся с общепринятым, с. 54 или название разделов и тем в 1 части Квинтета). Также позволю задать несколько вопросов:

1. В связи с проработанностью мотивной структуры в музыке Чугаева, можно ли говорить, что в форме его сочинений образуется самостоятельный композиционный слой, уместны ли параллели между ним и уровнем серийной диспозиции в серийной форме?
2. В какой зависимости находится формулирование метода привилегированных серий и те изменения в формообразовании, которые видны в финале Квинтета и Трио и связаны с движением к форме-индивидуальному проекту? И то, и другое приходится примерно на одно время.
3. Возможно ли сравнивать «супертакт», организующий один из уровней структуры в финале Квинтета, с изоритмической тальей? Исходя из того, что цифры в партитуре проставлены согласно этим «супертактам», можно ли считать, что Чугаев об этом намекает исполнителю/слушателю/исследователю?
4. В этой связи также интересно, в какой степени для зрелых сочинений композитора характерна интертекстуальность? В работе Вы пишете о буквальной цитате из 4 симфонии Малера в начале Второго квартета (с. 23), а, например, 1 элемент темы 2 части Квинтета совпадает с началом темы русской народной песни «Над полями да над чистыми». Случайны ли эти совпадения?

Вопросы, заданные соискателю, обусловлены интересом к проблематике исследования, но ни в коей мере не влияют на высокую оценку данной работы, которая полностью соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским

диссертациям. Диссертация М. М. Иглицкого «Александр Чугаев в музыкальном искусстве и науке» – самостоятельное законченное исследование, которое вносит большой вклад в изучение композиторского метода Александра Чугаева, а шире – современной музыки, принадлежащей к неавангардному крылу, что определяет **значимость ее результатов для развития музыковедения**. Положения и выводы диссертации могут быть использованы в вузовских курсах музыкальной формы, теории современной композиции, а также истории отечественной музыки.

Основные положения диссертации нашли отражение в автореферате и трех публикациях, включенных в перечень ВАК РФ.

Диссертация Михаила Михайловича Иглицкого «Александр Чугаев в музыкальном искусстве и науке» отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (№ 842 от 24.09.2013 в ред. Постановления правительства РФ от 01.10.2018 № 1168), ее автор вне всякого сомнения заслуживает присуждения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.02 Музыкальное искусство.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Михаила Михайловича Иглицкого составлен кандидатом искусствоведения, доцентом, заведующей кафедрой теории музыки и композиции по поручению кафедры теории музыки и композиции Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова, обсужден и одобрен на заседании кафедры 07 июня 2021 года (протокол № 10).

Копосова Ирина Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой теории музыки и композиции

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводская государственная консерватория имени А. К. Глазунова»
Адрес: 185031 Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленинградская, д. 16
Тел./факс: +7 (8142) 672367
Адрес электронной почты: info@glazunovcons.ru
Сайт организации: <http://glazunovcons.ru/>

ПОДПИСЬ *И. В. Копосова* УДОСТОВЕРЯЮ

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОЙ РАБОТЕ

ФГБОУ ВО «ПЕТРОЗАВОДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

КОНСЕРВАТОРИЯ ИМЕНИ А. К. ГЛАЗУНОВА»

И. В. Копосова

